Красота

Снова мучительно, снова не спится.
Что же мне делать с пустотами ночи?
Я перешёл через эту границу –
светлые мысли, пастельные очи.

Грустно? Не грустно. Оставим баранам
нежный фарфор и тоску о высоком.
В эти часы, в это утро-подранок
видишь, как, в общем-то, всё одиноко.

Видишь попытки чего-то такого,
что красотой называешь ты спьяну,
мир излечить поэтическим словом,
трелью заливистой на фортепьяно.

Только прошита кровавою нитью,
чеховской что ли, моя бородёнка.
Только твердит: "Вы меня извините"
литературы кассетная плёнка.

Слишком заезжена эта кассета.
"Я красота, но бессильна помочь вам.
Падают зёрна рецепта-завета
на каменистую вечности почву".

Дымные струи, тяжёлые тучи.
Бедные люди. Колючие травы.

Слабый, дрожащий, рассеянный лучик
то ли надежды, а то ли отравы.

Роща

"Повторяет всё тот же вопрос...."
Г. И.

Хочется тише и хочется проще,
хочется то есть намного нежнее.
Так в среднерусской какой-нибудь роще
сумрак колеблется, дышит, синеет.

Запах грибов и обрывки тумана,
скоропись дождика, ритмы покоя –
верно подмеченный взгляд Левитана
"Как ты дошёл?... Как случилось такое?"

Про жалость

Лезвие узкое-узкое
входит пониже соска –
травма привычная русская,
так себе травма – тоска.

Мне бы куда на Гавайи
или канарский песок,
слишком уж тут голодает
дятел, стучащий в висок.

Райского надо чего-то.
Есть же он где-нибудь – рай.
Пахнет и кровью и потом
родины древний сарай,

клети хрущёвские спален.
Тут бы впиндюрить мораль.
Вырядить в тряпки морали
русское голое "жаль".

Жаль эти чёрные свалки
снега её мартобря.

Так – по-саврасовски – жалко,
может быть даже и зря.

Бруно Шульц

-1-
Вне прошлого и зелени обоев,
вне клавесина летних вечеров
услышишь звук старинного гобоя
и руки целовать себе готов

от нежности к чему-то неотсюда,
что вписана как дремлющий мотив
в кустарную керамику посуды
и всякий домотканый примитив.

Ты – весь внутри, а смерть стоит снаружи,
и этим обеспечивая фон,
роняет молоточки зимней стужи
на самых точных буквиц ксилофон.

Ни слова зря, ни слова больше мимо,
печально всё, всего на свете жаль –
горчит под слоем сахарного грима
ветхозаветной мудрости миндаль.

-2-
В сентябре мишура оперетты
и дождя небольшая интрижка –
это значит – закончилось лето,
это лета прочитана книжка.

Лето было почти что простое,
но с псаломною сутью черешен,
а сегодня – под лунной кистою –
холодок опереточно грешен.

Давит душу бессонницы обруч,
но (выходит бессоннице боком),

как чернила, густеет Дрогобыч,
наливается вечностью-соком.

В этом соке – креплёном и липком –
увязают на вечные веки
местечковая бабочка скрипки
и рома и евреи и пшеки.

Этот сок не разбавят осадки –
с ним уже ничего не случится,
он в глазах деревянной лошадки,
он – слеза на Господних ресницах.

Из пункта А
В самом деле – кому это надо?
Может быть, для спасенья души
ре-минорной тоской листопада
простыня подо мною шуршит.

Есть у этого длинное имя,
только я не врубаюсь в латынь,
но живу при постельном режиме,
полицейском режиме простынь.

Извиняю целующих небо,
ведь и мне его губы близки,
но имеет меня непотребно
непомерная сила тоски.

Кровь срывается, движется юзом
и идёт напролом наобум.
Это дело фиксируют блюзом,
начиная его с "Boom boom boom".

Это просто срывается ниппель.
Удивляешься "Я ещё тут?"
За окошком пернатые хиппи
намекают на новый маршрут.

В пункт Б
Когда-нибудь в недорогом отеле,
в каком-нибудь венгерском городке,
в прозрачном, словно стёклышко, апреле,
согласно начертанью на руке,

году в двадцатом, в двадцать первом веке,
успев заметить ровно перед тем,
что странные проходят человеки
по улице – в забавных канотье,

и как-то по-особенному нежно
на тросточках поблёскивает лак,
О да, необратимость неизбежна
и мрак вокруг и светел этот мрак.

По-крайней мере, различимы чётко –
оркестрик, выдувающий басы,
танцоры, выдающие чечётку,
и горожан торчащие усы.

И оркестрант, подмигивая мелко,
то бухая, то яростно звеня,
стучит по барабану и тарелкам,
смотря аметропично сквозь меня,

глядит на девочку. Огромною косою
обрамлена девчонки голова –
я всё же представлял тебя другою,
а ты, на самом деле, такова.

Вспомнить всё
Другу

-1-
Музыка уходит на закате,
табор обретает небеса.
В этой свежевымытой палате
перестань грустить по волосам.

Луч в окне дробится, словно с хрустом.
Как такое чудо упустить?
Оказалось, что с Марселем Прустом
вам – теперь – по общему пути.

Вспомнить всё. И больше не бояться
темноты. Не верить в темноту,
нет её и в вечности резвятся
точно так же – девушки в цвету.

-2-
Стало тихо. Радио умолкло.
Утром будет чей-нибудь визит.
И осталась только недомолвка –
ночи золотистый реквизит.

Радио молчит. Не слышно звуков.
И подушка мокнет у виска.
Понимаешь, что бывает скука
и её антонимом – тоска.

Медсестра кемарит, словно птица,
встрепенётся, головой качнёт.
И тоска стекает по ресницам,
на х/б б/ушное течёт.

Молчание
Ну что сказать, я тоже неимущ
и с каждым годом слышится всё глуше,
как в сумраке почти что райских кущ
стучат о землю яблоки и груши.

Но что-то мне забыться не даёт –
я Богу своему не собеседник,
и расточил Он разговоров мёд
на слишком первых и совсем последних.

На лёд и пламя, на огонь и снег,
короче, по-любому, на ожоги.
Боль наяву и та же боль во сне –
узки врата и дороги дороги.

А прочее – дешёвый алкоголь
и привкус отвращенья и скандала –
быть может, у других сойдут за боль,
но у Него такое не канало.

Передо мною тот же горизонт
и облака и те же обещанья.
Я неимущ, но всё же не на понт
берёт меня огромное молчанье.